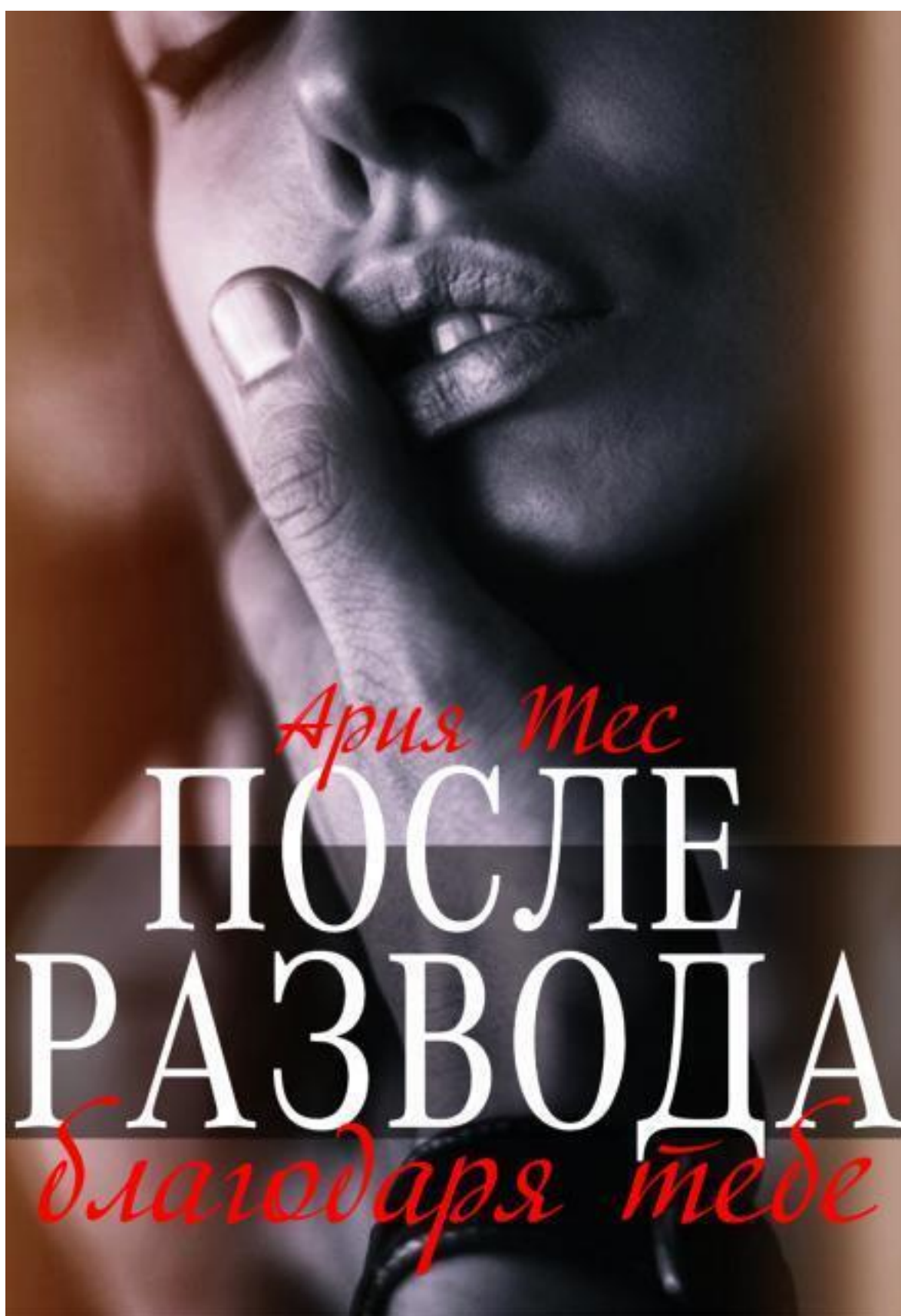

Ария Тес

ПОСЛЕ РАЗВОДА

благодаря тебе

Ария Тес

После развода. Благодаря тебе

«Литнет»

2024

Тес А.

После развода. Благодаря тебе / А. Тес — «Литнет», 2024

- ... У меня появилась...девушка, Лар.Первая моя реакция на слова бывшего мужа — это ступор. Я не понимаю, зачем мне эта информация? Для чего?- Не понимаю, зачем ты мне это говоришь? - тихо озвучиваю свои мысли на автопилоте, а потом делаю большой глоток спасительной воды с лимоном.Надеюсь, что она приведет меня в чувства, но в итоге кислота оседает на языке неизменной горечью.Девушка...у него появилась девушка...- Я не хотел, чтобы ты узнала об этом случайно.Дима смотрит на меня виновато и говорит тоже тихо, как в тот вечер, когда я узнала, что он меня предал. А я...думаю только о том, как я хочу, чтобы он сдох.Два последних года моей жизни — ад чистой воды. Развод с любимым мужем дался мне очень сложно, только после того как я застукала его на измене со своей помощницей — это был единственный выход. Но рвать по живому сложно, а когда любишь? Больнее стократно. Два года я мучаюсь и нахожусь в состоянии постоянного падения, пока однажды моя подруга не предлагает полететь на райский остров вместо нее. «Отдых и перезагрузка» — говорит ее сестра, и я повторяю про себя два таких желанных состояния: отдых и перезагрузка.А на самом деле...понятия не имею, что приготовила мне судьба...

© Тес А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

«Все начинается с сережки»	5
«Я сошла с ума»	10
«Не доверяй незнакомцам...и близким»	15
«Нет-нет-нет»	23
«Пожалуйста, пусть меня отпустит»	27
«Гонолулу»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

«Все начинается с сережки»

Лара; два года назад

- ...Меня все равно волнует его успеваемость, Дим, - озадачено кручу в руках коробочку с печеньем, которую не могу открыть уже минут десять, - Господи! Да как это открывается!

Муж бросает на меня взгляд и тихо усмехается.

- Под сидением есть ножик. Достань и просто разрежь. Только умоляю! Не разбрасывай упаковку по салону.

- Когда такое было?! - притворно ахаю, он смеется уже громче.

- Каждый раз, Лар. Ты открываешь коробки, как маленькая белочка. Или наглый енот.

По настроению.

Улыбаюсь, а когда он сжимает мою руку, а потом подносит ее к губам и оставляет на ней нежный поцелуй — в груди теплеет.

Вот кто бы что ни говорил, но, как по мне, брак с годами становится только крепче. Помню, когда мы с Димой только поженились, скандалили первые два года просто дико! Притирались... Сейчас нас и не узнать совсем, конечно. Может быть, от былой юности не осталось и следа, зато теперь наши отношения стали глубокими, полными уважения и взаимных, огромных чувств. Как семечко, любовь проросла в наши души и крепко связала нас воедино до конца жизни. Она вылилась в замечательного, веселого, жизнерадостного ребенка — в наше солнышко. В нашего Марка.

Не знаю, как так получилось.

В смысле... у нас с Димой достаточно сложные характеры. Он и я родились в обычных семьях, сами пробивали себе дорогу, и у нас это получилось, конечно. Я — успешный адвокат. Он — владелец сети ресторанов. В прошлом шеф-повар. Помню, когда я его впервые привела его домой, чтобы познакомить с родителями, маме он не понравился. Она считала Диму несерьезным, безответственным и слишком взбалмошным. Возможно, так когда-то и было, но вопреки ее заветам, что он никогда никем не станет с таким подходом к делу, все вышло наоборот. Вообще все! Мы вместе чуть больше шестнадцати лет, пятнадцать из которых женаты. И да, вначале это было очень сложно, но ничего нельзя было уже изменить. Да я и не стремилась особо. Дима был моим соседом, в которого я влюбилась с первого взгляда. Он стал моим первым мужчиной, и я почти сразу забеременела от него, а в восемнадцать родила наше солнце, которое... черт, Марк — это совершенно особенный ребенок! В нем нет злобы от слова «совсем». Даже той, что в той или иной степени присуща всем детям в его возрасте. Нет! Марк добрый, хороший мальчик, и я говорю это не потому, что его мама. Просто так получилось. В нем нет жесткости, порой очень много наивности, из-за которой я, бывает, сильно переживаю... и сейчас тоже переживаю. У Марка с детства стоит СДВГ*, и ему сложно концентрировать внимание и контролировать свои эмоции. Сейчас ему уже шестнадцать, и как заверил нас доктор, он перерастет свой диагноз или приспособится к нему. Порой я вижу, что так и есть, но тревога за его будущее все равно присутствует, особенно когда его учителя выражают обеспокоенность его успеваемостью. Вообще, любую обеспокоенность я воспринимаю слишком близко к сердцу, а Дима относится более лояльно.

Как, например, сейчас.

- Лар, не беспокойся ты так, - говорит он, выключая поворотник, чтобы перестроиться в соседний ряд, - Марк у нас молодец, но ему только шестнадцать. Сейчас гормоны шалят, вот он и ведет себя порой импульсивно, как в детстве.

- Думаешь, это пубертат?

- Уверен.

- А вдруг мы допустили ошибку, когда не стали пичкать его теми успокоительными?

Муж мягко смотрит на меня и слегка мотает головой.

- Ты была бы готова упустить хотя бы одну черту его личности?

Прикусываю губу. Нет, не была. Я не хотела, чтобы он менялся, пусть порой его гиперактивность заставляла меня буквально на стену лезть. Он выматывал меня, как трое детей разом! Наверно, поэтому и стал единственным нашим ребенком. Второго я бы просто не потянула, а когда ситуация стала меняться и его эмоциональный фон становился спокойней, уже мне поставили своего рода диагноз: процент того, что вы сможете сами выносить и родить ребенка, равен почти нулю. Вот так...

Грустно, конечно. Мы с Димой хотели еще одного ребенка, но, как он тогда сказал, «раз так, то будем лелеять Марка в два, а то в три раза сильнее!».

Ну да. Будем. Хотя я не перестаю думать о том, что, может быть, Бог пошлет нам еще один шанс завести малыша. Или, может быть, мы решимся на суррогатную мать? А что? Деньги у нас есть. Моя карьера в топе, Димина тоже. Было бы замечательно... может быть, поднять эту тему после нашей годовщины?

Думаю об этом, а сама лезу под сидение за ножиком.

Я приготовила любимому мужу потрясающий подарок! Сначала у нас запланирован шикарный прием в самом любимом моем ресторане из всей Диминой сети, а потом... только тсс-сс-сс... я купила путевку на Мальдивы! В райский уголок, где будем только мы вдвоем. Может быть, после этой поездки нам даже не понадобится никакая «другая женщина», и я все смогу сама.

Даже не так! Я чувствую, что именно эта годовщина многое изменит в нашей жизни, а поездка станет решающей.

Улыбаюсь, как вдруг меня резко кидает вперед, и я испуганно хватаюсь за торпеду. Дима взрывается:

- Куда ты прешь, мудака?!

Кулаком он пару раз бьет по рулю и еще раз смачно матерится, а потом резко переводит взгляд на меня.

- Ты не ударилась? Все нормально?

- Да.

- Козел вонючий! Понапокупают себе спорткары, а потом подрезают всех, кого не лень!

Бросаю взгляд в лобовое стекло и замечаю изящный зад стремительно удаляющейся лавандовой БМВ.

Красивая, конечно. Но, конечно, сволочь.

Закатываю глаза и снова лезу под сидение, но опускаю руку слишком низко и касаюсь пола. Пальцы тут же словно обдаёт током, и я хмурюсь, нащупав что-то маленькое, что-то причудливой формы, что-то холодное. Что это?

Подцепляю находку и вытаскиваю ее на свет, а потом замираю.

У меня моментально спирает дыхание, застывает сердце, кровь бьет в виски, и будто весь мир сужается до маленькой находки на моей ладони.

До чужой, золотой сережки...

- ...И я ему сказал: ты вообще охренел, что ли?!

Дима рассказывает очередную ситуацию со своей работы, смеется над ней, пока я... даже не знаю. Что со мной происходит? Все нутро будто покрывается коркой льда, легкие сжимаются и не дают сделать вдоха. Я не понимаю и половины из того, что он говорит, а если честно, вообще считаю, что это полный бред и тупость. Какая нахрен разница, что ты ему там сказал, когда тут... такое!

- Что это? - еле слышно выдыхаю, Дима этого не замечает.

Он продолжает говорить-говорить-говорить. Он продолжает смеяться, а я медленно перевожу на него взгляд и будто вижу впервые.

Красивый.

Он невероятно красивый мужчина. Взрослый, статусный. В хорошем костюме, в отличной форме. Дима ходит в спортзал, качается, а еще бегает. Совсем недавно перешел на ЗОЖ и как будто стал ухаживать за собой еще лучше. Поменял парфюм... А я радовалась. Господи, я была так этому рада, потому что думала, что он делал это для меня! А он...

- Дима, что это такое?!

Повторяю громче и стараюсь звучать твердо, но голос упрямо падает и скачет. Я вот-вот разревусь...

Что это такое? Почему ЭТО здесь?! Почему! Почему! Почему! Неужели... да нет, этого быть не может! Не может!

Дима бросает на меня хмурый взгляд, переводит его на дорогу, но снова возвращается к моему лицу буквально через мгновение, а потом опускает глаза на раскрытую ладонь.

Пару мгновений молчит.

Хмурится сильнее.

- Сережка? - наконец-то спрашивает, а меня прямо бесит!

Да ты что?! Правда?!

- Она не моя! - повышаю голос и сжимаю ее в кулаке, когда он хочет ее забрать и рассмотреть поближе.

Руки трясутся.

- Чья она?!

- Дай посмотреть! - повышает голос в ответ, - Или я, по-твоему, обладаю рентгеновским зрением?!

Я не хочу отдавать ему свою находку, но... он прав. Или я просто хочу в это верить? Не знаю. Передаю украшение и прикусываю щеку изнутри, пока Дима его разглядывает.

Глаз с него не сжову. Пристально всматриваюсь, ищу... чего? Снова не знаю, но, кажется, даже не дышу, пока он не смотрит на меня.

- Это... твоя сережка?

- Ты издеваешься?!

- Нет!

- Она не моя!

- А ты уверена? У тебя много украшений.

Он перекладывает ее в другую руку подальше от меня, и я бешусь еще больше.

- Отдай сюда!

- Зачем?

- Зачем?! Я посмотрю! Удостоверюсь!

- Лар, не начинай. Что за глупости ты говоришь?

- Отдай сережку.

- Она же не твоя, - напоминает он мне с легкой улыбкой.

- Тебе смешно?!

Я снова срываюсь на крик, и он сразу перестает улыбаться, смотрит на меня серьезно и прямо.

- Лар, ты же несерьезно...

- Кого ты возил в машине, Дима?!

- В смысле...

- В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ! КТО ЕЗДИЛ В ТВОЕЙ МАШИНЕ И ГЛАВНОЕ — КУДА!

Кто это был?!

- Да никто не ездил! - взрывается в ответ, - Божена только! Наверно она и обронила!

Божена — это его помощница. Высокая, худая брюнетка моложе меня почти на десять лет. В ней я никогда не чувствовала конкурентки, да и Дима никогда не говорил про нее ничего

хорошего. Обычно он на нее орет и явно не испытывает никаких...ну, тех самых эмоций. Как к женщине. Называет ее своей «дочей». Нет...Божена стала бы последней женщиной, которая могла бы стать его любовницей. Это просто нереально! Да и не его это типаж. Дима серьезно относится к своему возрасту, и он бы вряд ли хотел видеть с собой постоянное напоминание о том, что он уже не так и молод.

Нет-нет-нет. Точно не она...

Слышу смешок, который отвлекает от мыслей. Резко перевожу взгляд на супруга, а он улыбается, как сытый кот.

- Что это было такое, госпожа Демина? Вы что же? Ревнуете меня?

- Очень смешно!

Глупость какая...

Отворачиваюсь от него, уставившись в окно и сложа руки на груди. Но, признаюсь, от сердца отходит. Божена точно не могла бы стать его любовницей...

Дима тормозит на красном свете светофора и пока время идет, приближается ко мне и обдаёт жаром своего дыхания шею.

- Моя тигрица...ты смотри, столько лет вместе, а она все еще ревнует...Заедем за вином? Марк сегодня ночует у Титовых.

Я стараюсь не сдаваться, хотя внутри уже дрожу от предвкушения. Мой муж хорош в постели, он давно научился меня удовлетворять, а я научилась делать так, как нравится ему. Это еще один плюс от долгих отношений, кстати. Когда ты знаешь, как себя повести, чтобы было хорошо...

- Я все еще злюсь, - шепчу тихо, он улыбается и целует меня за ушком, отчего по телу бежит ток.

- Не теряй этой экспрессии, любимая.

- А ты передай своей помощнице, чтобы лучше следила за своими черствыми украшениями!

- Зачем? Я просто запрещаю их носить на работу.

Тихо смеюсь и перевожу на него взгляд. Хитрый кот, который, как мне кажется, иногда кайфует, доводя глупую дуреху чуть ли не до истерики со своими новыми правилами и порядками.

- Ты изверг.

- Я за это хорошо плачу, а за сегодняшнюю ночь, уверен, выдам ей премию.

- Дурак.

- Только твой дурак, Лар.

Дима подцепляет мой подбородок и шепотом обдаёт губы, которые уже молят о его поцелуе.

- Только твой, моя девочка...

Сейчас

Думаю, я не поверила ему тогда. Точнее, я очень хотела верить, потому что страшно было выходить из зоны своего комфорта, но я...я хорошо помню тот взгляд. Это воспоминание пришло уже после анализа каждого слова, сказанного в тот злосчастный день, когда Дима забрал меня с работы в конце сложной недели.

Тот взгляд, который он бросил на маленькую сережку, которую я не должна была найти под пассажирским сидением, сказал бы мне все, если бы я хотела слушать...

Я уже тогда все поняла. Я все поняла, поэтому пошла дальше, да?...когда не смогла зажать горькое чувство предательства и сделать вид, будто ничего не было...

Не хочу об этом вспоминать.

Жмурюсь на мгновение, а потом шумно выдыхаю, глядя на здание аэропорта Шереметьево через иллюминатор. Не хочу вспоминать, но я знаю, что буду. На Гавайи лететь — это тебе не в область выехать. Я буду вспоминать каждый момент, просто надеюсь, что Полина действительно права. Это начало чего-то нового в моей жизни. Я этого хочу. Даже не так, мне это необходимо. Потому что хватит. Просто хватит...

Как там говорят? Нужно подать запрос во Вселенную, и я это делаю.

Я хочу нового этапа. Я хочу счастья. Я хочу забыть. Пожалуйста, я больше просто не могу...Пожалуйста, пусть меня отпустит. И даже если этот следующий этап придет через боль, которая так и не стала старой...пусть будет так. Я снова вспомню все, чтобы больше никогда об этом не плакать...

*Синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), расстройство внимания с гиперактивностью, или гиперактивное расстройство с дефицитом внимания. Проявляется такими симптомами, как трудности концентрации внимания, гиперактивность и плохо управляемая импульсивность.

От автора: Визуал <https://litnet.com/ru/blogs/post/689308>

«Я сошла с ума»

Лара; два года назад

Я сошла с ума.

С того момента, как я нашла злосчастную сережку, прошла уже неделя, а я не могу выкинуть ее из головы. И казалось бы, да? Это мелочь. Всего лишь маленькая, потерянная безделушка, а она перевернула весь мой мир и лишила покоя.

Все началось с сережки, а потом закрутилось в огромный ком из дерьма. Уже ночью мое сердце пропустило пару ударов, когда я после бурного секса с любимым мужем пошла в туалет и резко остановилась рядом с его курткой. Я хорошо запомнила, что он убрал сережку во внутренний карман, и не знаю, какие черти меня дернули, но в голову пришла шальная идея: а может быть, она и правда моя? Дима давно заснул, но я все равно огляделась и прислушалась на пару мгновений. Только после того, как уловила мерное дыхание, шагнула к вешалке и запустила руку за искомой уликой.

Нет, тогда она не была для меня уликой, хорошо.

Я просто хотела проверить. Сравнить. Дима-то прав был, украшений у меня много, и вдруг это какие-то старые сережки? Которые я не помню?

Знаю, что звучит, как бред. Покажите мне хотя бы одну женщину, которая не помнит свои украшения, окей? Не найдете такой, вот уверена! Ну, или найдете, но я не такая! Я очень обстоятельная и педантичная. У меня все всегда лежит по полочкам, а беспорядок для моего бедного мозга — ад!

Сейчас вокруг меня царил беспорядок. Что-то точно было не на своем месте, как и злосчастной сережки в кармане тоже не было.

И забыть бы об этом? Но это шло вразрез с моей природой.

На следующее утро, когда Дима был в душе, я осмотрела его брюки и даже залезла в бумажник, но сережки и там не было. Потом я искала ее в его машине, пока он оплачивал бензин.

Ее не было.

Это наталкивало на определенные мысли. Например, как преступник избавляется от следов своего преступления. Но боже! Лара! Какого преступления? Что ты себе придумала?

Я не знала. Точнее, я не хотела даже развивать эту мысль дальше, но по-другому не получалось.

Целую неделю становилось только хуже.

Я стала замечать, как наблюдаю за Димой слишком пристально. Когда он возвращается с утренней пробежки, пока мы чистим зубы, а он ухаживает за собой так активно, словно невеста на выданье! Что происходит?! Почему так?! Он всегда, конечно, любил себя, но сейчас это стало каким-то наваждением. Какого черта?!

Я сходила с ума дальше, медленно скатываясь в паранойю и безумие. Каждое его слово теперь я трактовала иначе, как и каждую брошенную, задумчивую улыбку.

Я стала женщиной, которой, думала, никогда не стану.

Одной из тех, которые виснут на своем супруге и задают странные вопросы: а куда ты пойдешь? А с кем? А можно с тобой?

Дима в какой-то момент не выдержал и спросил с тихим смехом:

- Лар, да что с тобой? Какой-то странный сбор информации, на тебя совсем непохоже.

Главное, он улыбался, но его глаза оставались серьезными и будто чрезмерно внимательными. Дима будто вглядывался в меня и прощупывал, что мне известно. И да, я понимаю, что вполне вероятно, я просто себя накрутила, но ничего с собой сделать не могла.

А потом я впервые ему соврала. По-крупному, и это много значило. Раньше я бы не стала врать, а прямо рассказала о всех своих страхах и переживаниях, но это был не такой раз. Это был тот самый, первый, когда ваш товарняк встает на худую дорожку.

На тонкий лед, который в любой момент может треснуть и развалиться.

- Да я просто... в общем, неважно пока. Это сюрприз.

Клянусь, я будто почувствовала, как пружина в его груди медленно разжалась. И это была почти победа, да? Я смогла сыграть настолько хорошо, что он расслабился. Но почему так горько тогда? Раз я победила?

Ответов на вопросы у меня не было, а вопросов становилось только больше.

В конце концов, я дохожу до полного треша, когда, в очередной раз анализируя тот самый день и ночь с первой уликой, думаю, что Дима специально так старался в постели, чтобы меня отвлечь. Мысль ужасна и отвратительна в своем естестве, но она становится мощнейшим толчком в спину.

Дима снова был в душе, и я слышала, как он тихо напевал себе под нос какую-то модную песню.

МА-ЛО-ЛЕТ-СКУЮ!

Вы понимаете?! Это тебе не Ласковый май, Пугачева или Газманов! Это что-то из молодежного. Хрень, одним словом. Наш Марк такое слушает, но откуда эту песню знает Дима? Ведь он точно услышал ее не от сына! Марк никогда не включает свою музыку в машине, он стесняется. Думает, что раз мы родители, то матерных слов не слышали и все такое. А это значит, что он мог услышать ее только от...

Нет, не смогу произнести это вслух... Нет-нет и еще раз нет!

Хотя я физически ощущаю, что за моей спиной что-то происходит. Понимаете? С другой стороны, я пытаюсь одергивать себя и настырно твердить: Лара, ты перебарщиваешь и дуришь. Дима никогда так с тобой не поступит! Вы столько лет вместе, столько всего вместе прошли! Он не такой! Не! Такой!

Но я ее чувствую, что вру самой себе... и/или схожу с ума.

Поэтому становлюсь еще на шаг ближе к женщине, которой никогда не стала бы по доброй воле. К той, что теперь еще и просматривает телефон мужа...

А он жжет пальцы. Я поднимаю глаза на дверь в ванную комнату и прислушиваюсь: Дима продолжает петь, а я продолжаю глубже заходить в паранойю. И ведь уже по горло! Остановись! Но это выше моих сил...

Отхожу чуть ближе к кровати, потом подношу телефон поближе к лицу, нажимаю на кнопку сбоку и бам!

«Введите пароль»

Ступор. Я ловлю ступор и глупо моргаю. Пароль? с каких пор у него стоит пароль? Отродясь не было.

Ввожу дату нашей свадьбы — не подходит.

Тогда пробую дату рождения Марка — снова мимо.

У меня осталась одна попытка, и это напрягает. Я снова бросаю взгляд на ванную комнату, в которой внезапно выключается вода.

Черт возьми!

Он будто почувствовал, что я залезла в его телефон, и поспешил спасти свои секреты!

Твою мать. Твою мать. Твою мать!!!

Нельзя, чтобы он понял, что я сделала. Это прагматическая мысль, кстати. Просто если прятать есть что, он будет прятать это, прилагая еще больше усилий, и я никогда не узнаю, какую тайну мой любимый муж повесил над моей головой наточенным топором...

Обратно положить сотовый я не успею точно, поэтому делаю первое, что приходит в голову: бросаю его на кровать и резко распаиваю шкаф. Буквально в следующее мгновение Дима заходит обратно в комнату.

- Хорошо...душ после работы — самое то.

В этом я тоже, кстати, вижу определённый намек. Демин даже не поцеловал меня, когда пришел. Он сразу отправился в душ, а еще, как я теперь отчетливо слышу, загрузил стиральную машину. Зачем?

Господи, зачем?...

Внутри все холодеет и покрывается трещинами. Он никогда так раньше не делал... почему сейчас?

- А где мой телефон? - неожиданно говорит, и я почти вздрагиваю, а еще почти плачу, но сильнее сжимаю кулаки и дергаю плечами.

- Мне откуда знать?

Хмыкает.

Я отсчитываю его шаги, слышу, как он наклоняется над кроватью, пока сама я перебираю свои наряды всего лишь делая вид, что разглядываю их.

Притворяюсь и вру. Вру и притворяюсь. Прямо как он...

- Ты брала его? - удивленно спрашивает Дима.

Я понимаю, что у меня всего два пути, две дороги. Либо я сейчас провалюсь, либо выскочу.

Выдыхаю шумно, потом медленно поворачиваюсь и хмурюсь.

- Что, прости?

- Телефон. Он лежал на тумбе. Теперь вот тут...

Давай, Лара! Ты сможешь! Играй, как в последний раз! Будь Мерил Стрип! Черт возьми, будь лучше, чем она! От того, как ты ответишь и насколько сильно сможешь его убедить, зависит все.

Абсолютно все.

В следующее мгновение я фыркаю, закатываю глаза и снова смотрю на свою одежду.

- Дим, что за бред ты несешь? Я когда-нибудь так поступала?

- Ну...нет...

- Тогда что за тупые вопросы?!

Черт, Лара. Поменьше раздражения, умоляю...

Дима растерянно отвечает.

- Прости...наверно, сам кинул и забыл.

Я киваю и снова отворачиваюсь к своим вещам.

- Бывает. Иди, там тебя ужин уже ждет...

Стараюсь звучать мягко и нежно, но получается плохо. Мой голос больше похож на что-то окаменевшее и холодное. Что-то абсолютно лишённое жизни... а потом я вдруг и вовсе не могу сдержаться и спрашиваю.

- Это стиралка работает, что ли?

- Эм...ага. Я по дороге домой купил хот-дог, загваздался кетчупом.

- Ну...тогда ты не захочешь, наверно, есть.

- Да нет, почему? Я так. Чуть-чуть перекусил перед основным блюдом.

Почему-то для меня это звучит особенно цинично, а по сердцу проходит с такой силы, что еле удается сдержать всхлип.

- Тогда хорошо... - отвечаю тихо.

Надо быть мягче. Надо быть мягче...

- Да и тебе помочь захотелось...

Дима улыбается, я чувствую это по голосу, а мне только хуже! Ты специально это делаешь?! Решил меня утопить окончательно, да?

Господи...

Так это забавно, если думать отстраненно, да? Что настолько легко человек, которому ты всецело доверяешь, может стать в одну секунду предателем. Лишь посеяв маленькое семечко сомнения, ты моментально можешь лишиться всего, что копил годами...

Будь мягче.

Я заставляю себя держать мину, как держу ее во время прений в суде, поворачиваюсь и дарю ему легкую улыбку.

- Спасибо, малыш.

Он кивает, отвечая мне своей.

Гадко это...но да, вот так просто мне удастся врать. И ему тоже. Я это чувствую, я знаю, что он что-то скрывает! Точнее, кого-то...

Я это чувствую...

И вот так это становится нормой. Достаточно легко, кстати. Прятать свои эмоции и смотреть ему в глаза. Наверно, ему тоже легко обманывать меня?...

Дима берет свой телефон, а потом идет на выход. Он его больше никогда не оставит без присмотра — значит, не поверил? Или просто боится? Или это значит, что мне надо действовать быстрее?

Я не успеваю обдумать, а ловлю какую-то панику, будто истина уже ускользнула из моих рук, чего я допустить не могу.

- Дим, я не успела тебя предупредить, - выпаливаю, и он тормозит, а потом оборачивается, выгнув брови.

Черт-черт-черт! Экспромт — это не моя сильная сторона! Лара, твою мать! Ты же это знаешь! Надо было подумать, прежде чем открывать рот, но, как говорится, поздно пить Боржоми, когда почки отказали.

Жги.

- О чем?

- Я завтра уезжаю на пару дней.

- Куда это? - сразу концентрируется на мне, и это тоже гадко и противно, если честно.

Либо он уже начал продумывать свой досуг, либо притворяется, что ему есть дело. А ему нет. Если мои подозрения подтвердятся, если он мне...если...нет, я не могу произнести это даже про себя, но если все так, то он меня уже не любит. Я не верю, что можно поступать так со своим любимым человеком...и нет таким вещам никакого оправдания...

- Во Владимир, - говорю тихо, - Там какие-то проблемы с контрактами, я должна все проверить.

- Ммм...и надолго?

- Постараюсь побыстрее, но завтра я точно не вернусь ночевать. Может быть, дня на три-четыре.

- Лар, но у нас же праздник?

Сердце больно ударяется о ребра, а я задыхаюсь от цинизма и гадливости ко всей этой ситуации, но держу себя в руках на все пять баллов.

Улыбаюсь ему нежно и киваю.

- Я помню. Вернусь до даты, не переживай.

- Ну...ладно.

Он опять улыбается мне, а потом делает комплимент.

- Чтобы в фирме без тебя делали, да? Всех их спасаешь и прикрываешь ленивые задницы. Ты у меня самая умная, малышка.

Я ничего не отвечаю, но думаю:

Да, я самая умная, дорогой. А ты об этом, видимо, забыл, и слова твои — это лишь рядовые слова, лишённые смысла. Раз думаешь, что сможешь обвести меня вокруг пальца...

«Не доверяй незнакомцам...и близким»

Лара; два года назад

Мне всегда нравились две вещи: закон и порядок. Да, возможно, это выглядит не так весело и задорно, но я с детства была очень чистоплотным и аккуратным ребенком, а еще обожала слушать папины байки о его работе. Он у меня много лет отпахал следователем по особо важным делам, и, конечно, я многое слышала и видела. Например, с семи лет я умею стрелять, а однажды, когда мне было десять, к нам в дом пришел «плохой дядя».

Это было страшно. Для мамы. Я же восприняла все, что тогда случилось, включая группу быстрого реагирования с автоматами, как веселое приключение. Будто я оказалась в одной из его историй, которые он мне рассказывал, когда я подолгу зависала в его кабинете. Там не было жести, конечно, но именно папа научил меня, что незнакомцы — это всегда потенциальная угроза. Он избегал подробностей, но аккуратно рассказывал мне, чем может закончиться чрезмерное доверие к людям, которых ты не знаешь.

Жаль, что он не научил меня, чем может закончиться абсолютное доверие к людям, которых ты знаешь...

Для нас семья всегда была чем-то особенным. Меня воспитывали в любви, и пусть маме иногда бывало очень сложно из-за специфики папиной работы, но они всегда были, как попугаи-неразлучники. Мама могла рассказать отцу абсолютно все, что было у нее на душе. А он обычно хмурый и скупой на разговоры, светился только рядом с ней. Наши друзья Титовы очень похожи на моих родителей, если честно. Ян у Полины тоже вечно молчаливый, спокойный, как в танке, но когда он смотрит на свою жену — там все меняется.

Я думала, что и у нас все меняется. По крайней мере, я видела в глазах Димы счастье, которое длилось вот уже почти пятнадцать лет, а теперь что же?...

Я всегда любила закон и порядок. С самого детства знала, что буду работать в сфере если не в папиной, то хотя бы близко. Он был против, чтобы я шла в органы. В шестнадцать мы сильно поругались, вплоть до того, что я собиралась сбежать из дома и поступить в МВД без его ведома. Мама отговорила. Она объяснила, что папа сильно боится за меня и не хочет, чтобы я тоже страдала, ведь... работа у него, мягко говоря, сложная. И если раньше он старался не рассказывать мне, то теперь мама всем поделилась и напомнила о той ситуации с «плохим дядей». Забавно, как мы видим произошедшее по-разному, да? Ведь нас с мамой чуть не убили...и забавно, что даже это меня в тот момент не остановило. Я не восприняла ее слова серьезно, даже фразу:

«Вот когда у тебя будут свои дети...»

У меня не было своих детей, но было много амбиций и желания тоже быть своего рода супергероем. Я знала, что справлюсь, и была уверена, что меня ничто не сможет остановить. Конечно, я не сбежала из дома в тот год, но лишь из-за того, что понимала: до поступления еще два года, и что я буду делать? Логичным выходом стало "затихариться". А потом все перевернулось с ног на голову...

Так распорядилась судьба, что разговор с мамой был своего рода вещим. Через год, когда я заканчивала десятый класс, в наш дом заехали новые соседи. Я познакомилась с Димой, в которого влюбилась с первого взгляда, а к концу школы перед самыми экзаменами узнала, что беременна.

И вот тогда меня накрыло.

Абсолютно все! Как только я поняла, что внутри меня растет маленькая жизнь, словно тумблер в голове перещелкнуло, и я представила, что «плохой дядя» придет в мой дом, к моему мужу и моему ребенку, а я буду на месте папы почти в беспомощном положении. Ведь это

фарт, по большому счету, что мы с мамой отделались всего лишь испугом и парой ссадин. Все могло закончиться очень плохо, а он ничего не мог с этим сделать.

Поэтому о карьере в правоохранительных органах не было больше смысла даже заикаться, и я решила пойти на юрфак. Адвокат — это тоже дело опасное своего рода, и все-таки больше похожее на компромисс. Мне удалось совместить приятное с полезным, но я очень долго не могла определиться с вектором. Адвокат тоже может быть разным: работать в гражданском направлении, по уголовным делам, корпоративный, налоговый... Ладно, последним я быть никогда не хотела — это скука смертная! Я долго перебирала, пока не остановилась на еще одном компромиссе: корпоративный адвокат, который занимается делами большого бизнеса, и у меня неплохо получается! Но... какое-то время я все равно засунула жало в уголовку.

Не знаю... может быть, это у меня в ДНК, а может быть, так как я до ужаса педантична, похоже больше на незакрытый гештальт. Так что, да. Какое-то время я работала в этой сфере, точнее, проходила практику. А еще точнее, папа пристроил меня к одному своему старому другу на пробу. Мол, посмотри, поварись, послушай, а потом принимай решение.

Решение, конечно, было очевидным. Старый друг отца здорово напугал меня своими историями, и я приняла решение, что все-таки эта тема не для меня. Подумать, что с Марком может что-то произойти? Нет, ни за что! И все-таки я хорошо помню некоторые вещи, которые вынесла из той недолгой «пробы пера», так сказать.

А именно навыки, которые я приобрела с той странной «практики», использую сейчас.

Ни в какую командировку я не собираюсь уезжать. Сказать и сделать — разные вещи, но я рада, что у меня получилось так чисто схалтурить, потому что Дима даже не подумал, что это может быть неправдой. Он ласково поцеловал меня, а потом посадил в машину и отправил по долгу службы с чистым сердцем. И, как мне показалось, с большим облегчением.

Чтобы не налажать в деталях, я действительно доехала до Владимира, оставила там свою машину, на которой стоит маячок от страховой. И да, я об этом знаю, хотя уверена, что мой благоверный думает, что нет. Не виню его, женщины редко интересуются такими вещами.

Потом я заселилась в номер, где оставила свои вещи и свой телефон, который Дима тоже мог отслеживать через приложение. Забавно, кстати, следующее. В ту неделю, пока я сходила с ума, я решила заглянуть в это приложение, чего не делаю почти никогда, и вот вам еще одна новость: его геолокация была отключена, а когда он написал мне, что едет домой, снова включена.

Вот так.

Я свою отключать не стала — пусть думает, что самый умный. Пусть. Я написала ему, что очень устала в дороге и сразу лягу спать, а завтра буду на переговорах и, скорее всего, до глубокой ночи не смогу с ним связаться.

Дима ответил:

Любимый

Хорошо, малыш) Сделай их всех! Я тебя люблю ♥#

Мне пришлось соврать, что я тоже, хотя отвечать на сообщение не хотелось вообще. Больше всего на свете мне хотелось схватить его за грудки и трясти, пока не посыпется правда! Но, с другой стороны, именно это я и собираюсь сделать.

Переодеваюсь в удобную одежду. Черный спортивный костюм, кроссовки, никакой косметики. Отставляю туфли-лодочки в сторону, потом убираю свой костюм и открываю чемодан, откуда достаю новый, дешевенький телефон и ключи от арендованной Рено, которую мне пригнали к гостинице.

Да, я подошла ко всей ситуации с присущей мне ответственностью и подумала обо всем, включая несколько бутылок воды и успокоительное.

Наверно, я действительно чокнутая...

Но все должно быть под контролем, а главное — все нужно просчитать. Это издержки моей профессии. Кому угодно, профдеформация. Это неважно сейчас, я даже не собираюсь всерьез думать о том, что похожа на психопатку-неврастеничку. Плевать! На! Кого! Я! Похожа! Я в своем безумии дошла до той стадии, когда уже на все плевать, поэтому с чистой душой собираю свои вещички в черный пакет, потом выхожу из номера и иду на улицу к той самой Реношке.

От Владимира до Москвы ехать около трех часов. Нас разделяет двести километров. Точнее, меня от правды отделяет вот такое вот расстояние, потому что нас с Димой на самом деле разделяет гораздо большая пропасть. Наверно, я по натуре пессимист, а может быть, просто сердце, которое столько лет знало Диму, теперь чувствует, что он стал другим. Я не знаю, но я еду, чтобы узнать правду, и я к ней готова.

Следить за своим мужем — странное мероприятие, если честно. Я стараюсь не думать о том, как это жалко выглядит, что это ненормально и далее по списку. Встаю рано и выселяюсь из еще одной гостиницы, в которой провела эту ночь, а потом еду к нашему дому.

Дима много перемещается. Я и не думала никогда об этом...да! Отлично! Концентрируйся на этих деталях, пожалуйста. Думай только об этом.

Так вот. Дима много перемещается. Сначала он идет на пробежку, потом отвозит Марку в школу, они о чем-то смеются на парковке школы пару минут, а дальше сын выходит и здоровается по обычаю со своими друзьями. С Егором и Тимом. Дима на них смотрит с ностальгической улыбкой, а когда парни к нему оборачиваются, он машет им рукой.

Я себя в этот момент чувствую просто законченной идиоткой, но поправляю парик и кепку, отбросив эти мысли в сторону. Как только Дима отъезжает от школы.

Еду следом. Это спортзал, дальше продуктовый магазин, потом он едет в тот самый ресторан, где будет проходить наша годовщина. Там его у входа ожидает Божена, которая, только завидев босса, тут же кидается к нему со стаканчиком кофе. Она начинает что-то быстро говорить, он кивает и идет уверенной походкой к входу.

Рядом с ним продолжает маячить Божена.

Меня расслабляет тот факт, что он на нее почти не смотрит, словно она — это всего лишь тень или, не знаю, степлер? Короче, что-то не особо привлекательное. Да и девчонка, кажется, не выказывает никаких знаков внимания типа томных, долгих взглядов и тем более прикосновений. Все это я фиксирую через бинокль, и да! У меня есть бинокль. Говорю же, я обстоятельная и педантичная во всем, включая слежку за своим супругом.

А тем временем у Димы начинается встреча с какими-то китайцами.

И никаких признаков измены.

А я чувствую себя только хуже. Меня обдаёт стыдом и какой-то особой гадливостью от себя самой. Дима — хороший муж, который никогда ты не поступил бы со мной плохо, а все эти метаморфозы? Что ж. Может быть, он так старался для меня, почему же я вычеркнула это из списка так быстро? Женщины тоже стараются для своих любимых. Меняют причёску, гардероб, парфюм...что в этом такого?

Но он поставил пароль...

Мотаю головой и поднимаю глаза. Дима и Божена выходят из ресторана, и я, конечно, еду следом, но из чистого...не знаю, упрямства? Он все-таки поставил пароль, и я не могу найти этому объяснение. К тому же эти игрушки с геолокацией. Зачем? И как будто назло, к Диме и тут не прикопаешься. Даже не зная, он делает все, чтобы я себя ненавидела...когда останавливается рядом с шикарной ювелиркой. Это один из лучших магазинов в Москве, где каждое украшение — это произведение искусства.

Через стекло я вижу, как сотрудница передает ему потрясающее ожерелье из рубинов, а еще небольшую коробочку с сережками к нему в комплект. Дальше сотрудница достает еще одну, такую же коробочку, и Демин кивает с улыбкой. Наверно, кольцо...ее он не открывает, но это же логично. А ты, Лара, просто идиотка...

Я отвожу взгляд и закусываю губу.

Вот теперь я себя по-настоящему ненавижу. Клянусь, с этого дня я буду лучшей женой на свете! Я буду... я буду лучшей и никогда не расскажу ему о том, что я сделала...

Хватит.

Я видела достаточно, поэтому не собираюсь больше следовать за ними. Не собираюсь!!! И легко отпущу машину Димы с парковки, когда он уедет.

Но он не уезжает. Проходит пять минут, десять, но он все еще стоит. Сомнения снова проходятся по моим нервам холодной волной, только я их отгоняю.

- Лар, угомонись уже. Он, наверно, говорит по телефону. Или убирает твой подарок. Успокойся!

Я злюсь на себя за то, что не получается так быстро вернуться в момент «до» того, как я нашла эту гребаную сережку! Открываю окно. Надеюсь, что свежий воздух поможет мне немного прийти в себя, и он помогает. Только не совсем так, как я того ожидаю.

Слышу звонкий смех Божены, а потом вижу, как тачка проседает со стороны водителя, слегка качнувшись.

Холод обдает с новой силой, а трещина на душе становится шире.

Что они там делают?...

Я уже тянусь за биноклем, но его машина срывается с места и выезжает на оживленный проспект.

- Твою мать!

Хватаюсь за руль и тоже бью по газам. Реношка жалобно скрипит, дергается и тут же тормозит.

- Блядь!

Ручник!

Закатываю глаза, с силой отжимаю его и выезжаю следом. Машина Димы маячит впереди, но я слишком далеко, и ближе подъехать не могу. Плотный поток мешает, а агрессивно шашковать я не умею и боюсь учиться сейчас на такой тачке, которую любой порыв ветра с легкостью снесет.

Матерюсь, продолжаю плестись слишком далеко и пристально вглядываться в зад хорошо знакомой BMW X6. Он ее купил полгода назад, обожает, холит и лелеет, и очень аккуратно водит, потому что дико боится ее «ранить» в случайной аварии. А тут происходит странное. Неожиданно его «бэха» резко тормозит, чуть не устроив аварию, а потом пару раз мигает задними фарами. Это на языке водителя означает «извините». То есть. Это. Была. Его. Вина. Что уже странно, ведь он внимательный водитель. Что это было? Не понимаю, но хуже становится дальше. Когда машина снова трогается с места, я случайно бросаю взгляд на огромный «танк», который проезжает справа. Окно открыто, а из него торчит морда явно криминального типа. Лысый, жирный мужик с типичным, золотым перстнем на мизинце. Он орет на кого-то по телефону, потом бросает взгляд на Димину машину, отводит его, но сразу же возвращается. Еще мгновение и его морду озаряет гадкая усмешка, а потом он поднимает большой палец.

Конечно, тут можно подумать что угодно, но я не могу ничего. У меня в голове будто взрывается бомба, от которой все мои мысли разбегаются по углам или исчезают вовсе, но нутро...его скручивает жгучий спазм, а на глазах появляются слезы.

Я будто падаю с огромной высоты, словив это...чувство ужаса. Оно появляется, когда ты теряешь опору и твердую почву под ногами, проваливаясь в бездну...

Что это значит?...

Сердце колотится в груди, подбородок трясется, ладони потеют так сильно, что у меня пальцы скользят по рулю. Я еле выворачиваю его, следуя за Димой в основной ресторан. Он уже вышел из машины, и они с Боженой идут до здания. Слишком близко. Или мне кажется? И она поправляет юбку?

Снова кажется?

Все тело обдает спазм.

Я не могу вздохнуть. И продолжаю падать...

Как будто не в себе, хватаюсь за ручку и открываю дверь. Она ужасно скрипит и проходит по воспаленному мозгу, как если кто-то прошелся бы вилкой по тарелке или доске.

Ежусь.

Остановись, Лара...

Но это не вариант. Я даже не закрываю машину — плевать на нее! Я иду в ресторан следом. Когда заваливаюсь в зал, сразу ловлю взгляд хостес, полный страха и липкой, отвратительной жалости.

- Лариса Андреевна? Что вы...

Я ее не слушаю, а иду в сторону кухни. Девчонка бежит за мной по пятам.

- Лариса Андреевна, подождите! Пойдите же! Дмитрий Георгиевич занят! У него важное совещание...

Резко поворачиваюсь и стреляю в нее таким взглядом, что она обрывается на полуслове, а потом рычу.

- Закрой свой рот, сука!

Она тушует, а мне не стыдно ни хрена. Ненавижу лгунов! Ненавижу их! Ненавижу! А тех, кто их выгораживает — ненавижу еще больше!

Разворачиваюсь и иду дальше, жестко толкаю дверь кухни и ловлю еще один океан взглядов... Тех самых взглядов, которые обо всем тебе расскажут, если ты знаешь, *куда* посмотреть и *что* видеть.

Если ты готов это видеть.

Я не готова, но я вижу. Я не готова и только сейчас это понимаю...но я иду дальше. Больно так, что хоть вешайся. Я бы предпочла засунуть башку в огромную духовку и задохнуться нахрен, но я жива. Или почти. Или только физически. Внутри меня с каждым шагом и осознанием того, что будет дальше, умирает моя душа.

Разбивается мое сердце.

По смешному совпадению до его кабинета остается шестнадцать ступенек. Столько лет мы провели вместе, и когда я перешагиваю одну за другой, перед глазами проносятся все наши счастливые моменты.

- Привет, меня зовут Дима. А ты, малышка, кто?

Потом.

- Ты самая красивая, Лар. Я никого лучше не встречал...

Потом.

- Я люблю тебя, - тихим голосом со сладким стоном мне на ухо.

А за этим и...

- Дим, я беременна...

Я не хочу все это видеть! Замираю, жмурюсь, закрываю уши руками и часто дышу. Горло сдавливает настолько сильно, что мне физически больно это переживать! А потом я смотрю на дверь и понимаю, что это конец.

Я все еще не готова увидеть, что за ней скрывается, и во мне борется желание сбежать отсюда! И да! Я так мечтаю притвориться, что этого никогда не было! Что я ничего не находила под его сидением! Что я не замечала странностей! Что я не пошла на крайности, за которые любая женщина перестанет себя уважать, но...я не сбегаю, и это мне тоже известно.

Не тот характер.

Расправляю плечи, гордо поднимаю подбородок и стираю жалкие слезы с глаз, а потом быстро преодолеваю оставшееся расстояние и распахиваю дверь.

Так разрушаются жизни. Так разбиваются сердца. Так семьи идут пеплом по ветру.

Так умирает «долго и счастливо»...

Мой муж стоит ко мне лицом. Перед ним, широко раздвинув ноги, лежит голая Божена. Прямо на его столе, где он не раз трахал меня, теперь он трахает ее. Страшная, неказистая грудь странной формы подпрыгивает от быстрых, диких фрикций. Она кусает губу и не стесняется. Стонет во весь голос. Дима рычит. Его брови нахмурены, взгляд пьяных глаз абсолютно полностью сосредоточен на ее теле. Я это знаю, потому что раньше он был сосредоточен только на мне...

Он рычит снова, а я стою и наблюдаю за этим всем. Не могу остановиться. Есть даже фраза такая:

«Если долго всматриваться в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя»

Думаю, в моем случае это означает, что она тебя засасывает. Я ведь поглощаю жадно каждый обрывок этой ужасной картины. Нет, наверно, она прекрасна, ведь они оба прекрасны в теории. Но не для человека, в чьем сердце жила любовь. *Такая любовь*. Как мне казалась, вечная и чистая. Честная.

Мы же были семье с самого детства...мы выросли вместе. Мы стали кем-то вместе. Мы столько преодолели, а он так легко предал меня. Разве это возможно?

Но это возможно.

Взгляд ползет по обнаженному, широкому торсу с кубиками пресса, которые никогда и не пропадали, а теперь и вовсе стали такими четкими...Ради нее, получается? Чтобы поразить свою малолетнюю блядь, да?

Вопросы причиняют боль, но, как мы уже выяснили, это не предел.

Я смотрю на его правую грудь, где есть мое имя и имя нашего сына. Он сделал эту татуировку, когда родился Марк, и я так любила ее целовать, а теперь...меня тошнит, потому что Божена касается святого, как мне казалось, своими отвратительными, грязными руками.

Я вздрагиваю, когда она вонзается ногтями в черные чернила, и Дима ее не останавливает. Он ловит кайф, откинув голову назад. Облизывает пересохшие губы...

Это просто отвратительно, а я будто в киселе. Роняю взгляд на стол, по которому разбросаны ее длинные волосы и натыкаюсь взглядом на красную коробочку, которую Дима забрал из ювелирного.

И знаете? Она открыта. А знаете, что еще? Вы готовы? Сейчас будет максимально цинично, но на подушечке лежат точно такие же сережки, которые он купил мне к ожерелью.

Пазл сходится. Вот так...не кольцо это, а еще одна пара сережек, чтобы на этот раз не придумывать объяснения, если они так увлекутся, что у этой твари что-то откуда-то слетит.

Из груди рвется смешок, который перерастает в истеричный смех.

Меня наконец-то замечают.

Но я не могу остановиться. Смеюсь, пока из глаз бьют слезы, а потом подхожу к столу и беру коробочку в руки.

В кабинете повисает напряженная, обжигающая тишина, которую нарушает хриплый, тихий голос Димы.

- Лара?...

Я медленно поднимаю глаза на него, но больше не вижу своего Диму. Этот человек мне незнаком, а незнакомцы, как учил папа, опасны.

Делаю шаг назад, а потом смотрю на Божену и хмыкаю.

- Сиськи — дерьмо, малыш. Ты как-то продешевил...

От автора: Божена

«Нет-нет-нет»

Лара; два года назад

По ступенькам я буквально сбегая, но так как увиденное снова накрывает с головой, проскальзываю и падаю, больно ударяясь копчиком. Грохот, полагаю, стоит что надо, раз через мгновение ко мне подскакивает один из поваров и пытается помочь встать.

Но я не могу. Не могу! Ощущать ничьи руки. Они для меня все здесь предатели, хотя рационально никто мне ничего и не должен. Только один человек, но даже он, как оказалась, через клятвы переступает легко и просто. Поэтому...

- Блядь, не трогай меня! - ору, и молодой мальчишка резко отшатывается.

В этот момент из кабинета вываливается Дима. Я моментально оборачиваюсь и добавляю пару ужасных образов в копилку: мой любимый супруг с голым торсом и расстегнутыми брюками, откуда выглядывают трусы, которые Я ЕМУ КУПИЛА!

Унизительно и грязно.

Боль окатывает новой волной, и я резко встаю и сваливаю.

А хочется не просто свалить, а исчезнуть.

- Лара! Стой!

Слышу, что он бежит по лестнице, и уже представляю, как Дима нагоняет, потом касается меня своими руками. Грязными руками. Чужими. Руками предателя...

К горлу подступает тошнота. В голове шпарит ярость.

Я за мгновение наполняюсь ей под завязку, поэтому хватаюсь за ручку огромной кастрюли и дергаю на себя.

БАХ! БАХ! БАХ!

За моей спиной раздаются целые взрывы из выброшенной посуды, и хорошо. Этот звук заглушит всю ту тонну, которая сейчас бьется внутри меня.

Но Диму это не останавливает. Он же у нас спортивный теперь, помните? Лихо перепрыгивает через гору и снова надвигается на меня. Вариантов сбежать — нет. Если он меня коснется — смерть. Потому что помню, как его руки лежали на ее талии, как сжимали ее, чтобы удобней было насаживать.

Я-то знаю.

Он сжимал этими руками меня почти шестнадцать лет и на...нет, я не смогу этого произнести. По всему нутру идет очередная волна отвращения прямо до тошноты. Пока в груди у меня снова все трещит по швам, словно у куклы тряпичной, которую раздрают злые, голодные псы. Они безжалостно тянут ее, дергают головами, скалятся и рычат. А кукла молчаливо терпит, сносит, но...черта с два я буду этой куклой!

Почти чувствую, как Дима касается моей руки, и у меня опускается забрало. В голове нет разума сейчас, там один огонь и дикая-дикая путаница. Мысли наперебой. Крики. Разговоры. Шепот. Все, что происходило со мной за ближайшее...сколько? Я не могу точно ответить, но будто всю жизнь! Я вдруг сомневаюсь во всем, и словно всю нашу с ним жизнь все люди, которые нас окружали, знали, что это за человек.

Наверно, это не так, но я говорю — во мне сейчас разума ноль. Это состояние похоже то ли на карусель, то ли на паническую атаку, то ли на приступ сучьего бешенства, то ли на все сразу. Но меня раздрает изнутри — это факт, и я абсолютно лишаюсь контроля.

Метнув взгляд на длинный, серебристый стол, я хватаю оловянный сотейник, а потом молниеносно разворачиваюсь и со всей силы прикладываюсь ему прямо по башке.

Дима падает на пол.

Следом валится кастрюлька и глухо стучит о кафельный пол.

На кухне воцаряется тишина.

Клянусь, в этой могиле слышно лишь одно — мое хлесткое, частое дыхание. Пусть это физически и невозможно, но это так.

Дыхание и стук разбитого вдребезги сердца.

В этот момент я понимаю, почему женщины убивают. Мне кажется, что... черт, как бы страшно это ни звучало, но я могла бы убить его сейчас. И это кажется так просто... да, так просто...

Такие мысли меня ужаснут многим позже, но сейчас я ничего не чувствую, кроме боли. Адреналин бьет из всех щелей, а меня трясет так, что зубы стучат.

Дима медленно прикладывает руку ко лбу. На его пальцах остается алая, густая кровь, а когда он поднимает ошарашенные глаза, я не своим голосом хриплю:

- Никогда больше. Никогда не смей меня трогать!...

Больше я неспособна ни на что. Разворачиваюсь к выходу, а потом перехожу на бег, потому что слышу испуганный крик этой малолетней шалавы:

- О господи! Димочка...

«Димочка»... о господи! Дай мне сил не вернуться и убить этих тварей...

Дима

- Шеф, вот лед.

Один из поваров приносит мне обмотанный в белое полотенце пакет со льдом, который я прикладываю ко лбу, а потом поджигает губы и уходит.

Я смотрю в одну точку.

На стол, где трахал свою помощницу. И даже не помню, как мне было классно. Не помню, как все началось. Не помню, почему это началось.

И нет, не из-за удара. Лара приложила хорошо, но недостаточно, чтобы мне отшибло память. Хотя, думаю, она бы этого хотела... да и я сам тоже этого хотел бы.

Я никогда не видел, чтобы она смотрела на кого-то так, как она смотрела на меня сегодня. Это была даже не боль. Точнее, она, но не только. Безумный коктейль из горького разочарования, боли, отвращения, ненависти, ярости... все это так некстати обрушилось на меня, и я потерял дар речи.

Я этого не ожидал.

А, блядь, должен был! Когда ты крутишь роман на стороне — первое, негласное правило: всегда, сука, будь начеку! Я это еще с юности помню, но почему-то в браке взял и забыл. Наверно, лишился квалификации?

Горько усмехаюсь.

Какого черта это было... какого хуя она здесь?!

Тянусь к сигарете, потом перехватываю ее губами и вытягиваю из пачки. Лед летит на стол, к которому сейчас почему-то страшно прикасаться. Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю в потолок в надежде забыть этот взгляд, но он, сука, как крючок. Зацепился за сердце и давит-давит-давит. Пытаюсь вытравить его горьким дымом — не помогает.

Беру телефон.

«Любимая жена»

Касаюсь ее имени, а потом прикладываю трубку к уху, но идут одни гудки и никакой Лары. Она не берет. Нет, я не ожидаю, конечно, что возьмет. Не возьмет, и от этого мне еще страшнее...

- Блядь!

Отбрасываю трубку в сторону и резко встаю, обхожу полукруг и затягиваюсь так, что башка начинает кружиться.

Какого хуя она здесь?! Когда должна была быть во Владимире! Какого хуя...

Да такого, ты мудака! Ты же знал, что Лара не отпустила ситуацию с сережкой. Ты же знал, что она, как бульдог, вцепится и будет тянуть-тянуть-тянуть, пока весь твой калосборник не лопнет и не вылетит на свет то, что ты прячешь уже три месяца...

Три. Гребаных. Месяца.

Зачем тебе это было нужно? Зачем, Дима?...

Я останавливаюсь и закрываю глаза, а потом делаю еще одну затяжку. Горечь сильнее щипает язык, достает до самой души, а я вспоминаю тот день, когда перебрал сакэ на переговорах и впервые взглянул на свою помощницу, как на женщину.

Окрыленный успехом, с охуенными перспективами укатить в Токио и открыть там свой ресторан, я представлял, как смогу купить себе абсолютно-сука-все, как подарю Ларе самое, блядь, шикарное кольцо, ожерелье, сережки, машину, дом, квартиру. Все! Что она только захочет...И Марк. Как он будет гордиться мной, когда я выйду на международный уровень! Он хотел пойти по моим стопам, и он обязательно пошел бы, только с таким стартом, которого у меня никогда не было! И это все я! Я этого добился!

Успех окрылил, я попутал берега и забыл, ради чего все это делал. В ту ночь мне показалось, что я могу нагнуть и поиметь весь-гребаный-мир, но по факту нагнул и трахнул свою помощницу на капоте новой бэхи. Прямо на обочине трассы от загородного отеля до Москвы.

Она тоже перепила. Я помню, как ее глаза восторженно светились от огоньков на приборной панели. Как она говорила...нет, тараторила! О том, какой я классный, какой умный, какой успешный!

"Как вы все провернули..."

Я помню, как она закусил губу, как ее щеки пылали. И я помню, как увидел в ее глазах влюбленность, от которой сорвало крышу. Не помешал даже "трезвый водитель", который молча вел мою тачку. Я накинулся на нее сам. Просто взял ее за волосы и потянул на себя, а потом сжал хвост сильнее и потянул к ширинке.

Я помню, как это было круто.

Почти шестнадцать лет! Одной женщины...и мне было так остро, что мой член касается чужих губ. Потому что было по-новому, не так как я привык. Потому что все было по-новому...

Я сам стукнул парня по плечу и сказал ему съехать на обочину. Я сам кинул ему пачку сигарет и сказал подойти к багажнику и отвернуться спиной. И я сам стягивал розовые трусики с тугой Божениной попки.

Не было там ничего. Никакого мозга, никакой памяти. Ничего не было, кроме лавы в груди и гири вместо яиц. Я хотел ее. До одури. Настолько, что сопротивляться этому было невозможно.

Это был первый раз, когда я изменил своей Ларе.

Потом меня накрыло. Чувство вины сжирало с потрохами, и я всю ночь обнимал ее так сильно, что в какой-то момент моя жена зашипела:

- Господи, Дима! Я задыхаюсь! Прекрати так меня тискать!

Она шипела, а в голове стоял тихий, приятный голос Божены:

- Дима, сильнее...Дим! Ты самый лучший...

Из-за этого я пошел дальше? Или потому что это оказалось проще, чем я думал? Лара ничего не узнала. Ни на следующее утро, ни через три дня, когда Божена пришла на работу в тоненькой блузочке, под которой был черный лифчик.

Тогда случился второй раз, когда я изменил своей жене. И не потому что не любил, а потому что мог делать это так, чтобы не попасться. Три месяца я ловко обходил препятствия, избегал столкновений, уходил от ударов и словно ожил! Кровь в жилах кипела от адреналина, особенно сильно, когда мой телефон, на который Божена стала скидывать развратные картинки со своим участием, лежал рядом с Ларой.

Она настолько мне доверяла, что никогда не полезла бы в него, а я ловил какой-то больной кайф. Это действительно было остро, ново. Это будоражило. Знать, что всего в сантиметре от ее руки скрыто то, что может разрушить всю мою жизнь.

Но я уходил.

И, наверно, уходил бы дальше, если бы однажды Божена не решила сделать мне минет прямо по дороге на встречу. Я так увлекся, что схватил ее за загривок и стал насаживать на свой член. Тогда и слетела ее проклятая сережка. Тогда все и лопнуло.

Наверно, это должно было случиться рано или поздно, но я не был готов. И я не готов сейчас столкнуться с последствиями.

Лара...

Я открываю глаза и смотрю на свой кабинет с ее стороны. Она тут стояла, когда подошла и взяла сережки, которые я купил и ей, и Божене, чтобы вдруг снова не спалиться.

Я не знаю, что это был за порыв. Не дурость ли? Кажется, последние три месяца все, что я делал — это была одна сплошная дурость...

Лара, прости меня...

Перевожу взгляд на фотографию нашей семьи и вздрагиваю. На меня смотрят счастливые люди на их последнем, семейном отпуске, а теперь...это был последний отпуск?

Нет-нет-нет!

Сердце сжимается от паники, а по спине ползут ледяные мурашки. Меня настолько хватает ужас, что волосы на загривке дыбом встают.

Она меня простит. Лара любит, и я это знаю, просто...нужно время. Сейчас ее лучше не трогать. Надо дать ей остыть, потом приду, и мы поговорим. В браке же всякое случается, да? И мы справимся с этим, просто нужно немного подождать, чтобы она остыла.

Я оглядываюсь, а потом иду к дивану.

Лед тает и уродливой лужей растекается по столу, смывая с него остатки похоти.

Конечно, я не готов признать себе, что на самом деле...знаю, что не будет ничего больше: ни отпуска, ни Лары и Димы, ни разговора. Я не готов признать себе, что просто боюсь столкнуться с ней сейчас, потому что боюсь снова увидеть взгляд, полный боли и густого, горького разочарования. Я не признаюсь, что понимаю — это конец. Лара не простит меня никогда. Я не готов признать, что из-за собственной дурости, которая повела меня непонятно куда, я разрушил всю свою жизнь.

Нет, я не готов это признать. Поэтому я искренне верю, что через пару дней Лара отойдет, и мы поговорим. Дам ей все, что она захочет. Пообещаю что угодно. Землю переверну! Если нужно, Божену где-нибудь прикопаю: что-сука-угодно. Лишь бы самые потаенные страхи не воплотились в жизнь, и она от меня не ушла.

Я этого не хочу. Я люблю Лару и сейчас на краю пропасти понимаю, что я люблю ее до дрожи. Меня просто повело...я просто не справился с управлением и залетел в густые дебри, но...я люблю свою жену больше жизни.

В браке же всякое бывает, да? Все мужчины изменяют. Все будет хорошо...

А теперь спи.

Но сон не идет, а перед глазами стоит Лара. Ее огромные, красные глаза, полные презрения. Ее боль. И кровоточащее сердце на дне бархатной коробки, которую я купил для малолетней шалавы, чтобы не спалить перед женой свою с ней связь...

«Пожалуйста, пусть меня отпустит»

Лара; два года назад

Я залетаю в дом и чуть не падаю прямо на бежевую плитку лицом вниз. Спотыкаюсь о его дебильные кеды, которые Дима физически не умеет ставить на полку, будто это сложно!

Верность тоже хранить несложно, разве нет?...

Внутренний голос дает мощнейшую затрещину, и у меня изнутри идет болевой, сильнейший откат, от которого я не могу ни вздохнуть, ни двинуться. Замираю, жду, пока отпустит, а разумом понимаю, что ждать долго, права физически не имею! Дима припрется сюда. Все они всегда приходят и говорят-говорят-говорят, а я просто не выдержу, если услышу его голос!

Мне кажется, что тогда точно его убью.

Клянусь, я всего в шаге от серьезного членовредительства, и это самый привлекательный шаг на свете, но я не позволю! Ни за что! Опуститься до такого! Испортить себе всю жизнь! А главное — испортить жизнь Марку. Поэтому давай-ка ты, дорогая, бери-ка себя в руки. Хватит ныть! Сука, хватит ныть! Будет еще время, а сейчас тебе нужно превратить дом в неприступную крепость!

Резко распахиваю глаза, с остервенением утираю слезы, а потом пулей несусь в сторону заднего выхода, который захлопываю так громко и сильно, что стекла дрожат. Потом бегу обратно в прихожую, закрываю дверь и проворачиваю замок.

- Мам? - раздается тихий, взволнованный голос Марка, - Ты... а ты чего здесь?

Я не хочу на него поворачиваться. Я не хочу, чтобы он видел меня в таком состоянии. Я не хочу его волновать. А еще, что самое, наверно, главное... я не хочу делать ему больно. Поступок Димы не просто уничтожил меня, он уничтожит Марка, если я позволю, а я не позволю! Сука! Никому! Угрожать моему ребенку, даже его блядскому папаше!

- Командировка закончилась неожиданно, - отвечаю также тихо и хрипло, - Ты иди к себе, хорошо? Посиди пока наверху, пожалуйста.

- Зачем?

Жмурюсь.

Просто уходи, я тебя умоляю. Я еле сдерживаюсь... еле сдерживаюсь, чтобы не начать выть, а ты не должен этого видеть.

Марк... у него нежная душа. И только один Бог знает, как я боюсь его ранить... Разборки родителей не должны касаться их детей — это золотое правило. Мои родители никогда не ссорились при мне, и если когда-то я думала, что они просто так сильно друг друга любят, только обретя свою семью, поняла. Так просто поступают нормальные люди, которые не хотят травмировать ребенка. Трения неизбежны, но отношения нужно выяснять тогда, когда ваш малыш этого не слышит. И как можно дольше... сука, как можно дольше! Старайся сохранить его детство. Это важно. Нужно как можно дольше позволить твоему ребенку быть ребенком, потому что взрослая жизнь — полна дерьма. Проблемы на работе, начальник козел, подчиненные охренели, и, вот как у меня, муж трахнул свою малолетку-помощницу.

Он не должен знать...

И это вдвойне больнее, потому что я понимаю, что защитить его не смогу. Марк узнает. Он все равно узнает, что произошло... потому что дальше развод. Другого пути нет, и я даже не собираюсь рассматривать «возможности». Их, твою мать, нет! Не бывает! Не верю! Нет, я не верю, что можно склеить отношения после измены. После предательства...

Я никогда не прощу.

Как он делал из меня дуру, как дарил ей то, что по праву и закону принадлежать должно только мне! Пока я ждала его дома, готовила для него, стирала и убирала, воспитывала его ребенка...

Господи, как обидно...

Меня наполняют чувства до краев, и только таким же горемыкам понятно, что это такое.

Только женщина в моей ситуации поймет, что значит дарить себя мужчине и вашей семье, а в ответ получить отвратительный плевок в самую душу. Он просто растоптал все, что было у нас важного. Просто. Растоптал. О его мотивах я даже думать не собираюсь! Мне плевать на все, но я знаю, что они будут вскрыты, как гнойные раны, и мне нужно время, чтобы к этому подготовиться...

Мне нужно...мне нужно время...

- Мам?

- Марк, пожалуйста. Иди наверх, потом поговорим, - шепчу, чтобы он не слышал, как ломается мой голос.

Но сын не уходит. Он делает маленький шагок в мою сторону и тихо говорит.

- Мамуль, ты плачешь?

Маска трещит по швам. Руки, в которые я с таким трудом пыталась собрать все свои эмоции и взять вверх над разбитой душой, становятся ватными и отпускают поводья.

Все валится к моим ногам.

На меня накатывают картинки. Я снова вижу, как он ее трахал. Даже не отвлекся! Он был так сосредоточен на своей мерзости, что не заметил, как за ним наблюдают...он был...он был так красив в этот момент и так ужасен одновременно. Он был собой и одновременно чужим, незнакомым мне человеком. Он был мне мужем и нет одновременно.

Горло сдавливает спазм, и я хватаюсь за него, чтобы стало проще дышать, но это невозможно. Мне кажется, это никогда не будет больше возможно — дышать. Так просто...дышать...а я не смогу больше никогда дышать! Ясно?! Не смогу! Потому что мне все нутро разрезало на две половины: на «до» и «после». Мне хочется в «до», а это невозможно...

Нет, невозможно...

Я никогда не смогу простить и принять его. Я никогда не смогу даже взглянуть! И не видеть эту блядь с раздвинутыми ногами и странными, колышущимися сиськами.

Занавес.

- Собери свои вещи, хорошо? - шепчу снова, - Ты сегодня переночуешь у Титовых.

- Но...

- Марк, я тебя умоляю... - сжимаю кулак на двери, держась на простом упрямстве и собственных принципах, - Не задавай мне никаких вопросов, ладно? Просто...просто, пожалуйста, сделай, как я тебя прошу. На пару дней ты останешься у Титовых. Они не будут против.

Я чувствую, что сын смотрит на меня и никуда не уходит, потому что не хочет. Он ощущает, что что-то сильно не так, и боится оставлять меня одну, но так нужно...и он это понимает. У нас с Марком сильная связь. Он всегда меня чувствует и понимает, поэтому через мгновение соглашается.

- Хорошо...

Я слышу его тихие шаги по лестнице, а когда уже не слышу, тут же отрываюсь от двери и бегу в ванную, где быстро врубаю воду и не сдерживаю рыданий.

Он их не услышит...главное, чтобы он их не услышал...

Полина и Ян Титовы — очень хорошие друзья нашей семьи. Мы познакомились лет десять назад, когда купили этот дом, и наши мальчики сразу сдружились. У них два сына: Егор и Тимур. Хорошие дети, добрые. Я беспокоилась поначалу за своего Марка: все-таки он был не очень спортивный, носил очки и без устали о чем-то говорил.

Раньше его обижали.

Он никогда не жаловался, даже когда был совсем маленьким, но Марк подозрительно часто ломал очки, а еще был слишком грустным, когда я с утра поднимала его и одевала в садик. Потом, когда он пошел в школу, я стала замечать ссадины на ручках и коленках, как если бы его кто-то толкнул прямо на асфальт. Или синячки на предплечьях, как если бы его кто-то щипал. Он молчал, как партизан, конечно...но я же мать. Я все видела. А потом действительно увидела, как один малолетний козел пихнул его в спину со всей силы! Охо-хо...что тогда было! Я думала, порву его мать! И только Дима пришел и стал светить своей дипломатичностью. Да нахрен ее! Я бы толкнула его мать так же сильно, как ее гадкий сын толкнул моего! Не смогла. Удержали. Но скандал я подняла будьте-нате, так что хулигана было решено ликвидировать. Ну, раз мама у пострадавшей стороны такая чокнутая.

Его из школы убрали, но делу это помогло не очень-то, и поэтому мы решили переехать. У Димы тогда бизнес пошел в гору, он открывал третий ресторан. Я тоже стала подниматься по карьерной лестнице, когда папа пристроил меня в одну очень крутую компанию. По блату, да, ну и что? Я доказала, что достойна этого места, и мне стыдиться нечего. Разве что благодарить.

Тогда мы смогли позволить себе шикарный дом, но взяли его в ипотеку. У Яны и Полины дом, конечно, больше и лучше, только сами они люди приличные и спокойные. Не одни из этих. Ну, вы поняли. Которые смотрят на всех, как на грязь. Полина тоже из обычной семьи. Добрая и участливая. А Ян хоть и наследник, но воспитан в строгости, поэтому балованным назвать его очень и очень сложно.

Но тогда я всего этого не знала, конечно...

Когда мы перетаскивали наши вещи из огромного грузовика, они пришли знакомиться с подарками. Полина притащила торт, который сама испекла и вазу, а Ян притащил их мальчиков. Я волновалась. Их дети были очень милыми, но шумными. Особенно Тимур! Он все нарезал вокруг отца круги и строил ему рожицы, мол, не поймашь-не поймашь-не поймашь! Егор стоял и копировал отца. Руки сложил на груди, бровь одну выгнул и наблюдал...Картина была настолько смешной, что я не сдержалась и сфотографировала, а потом подарила Полине снимок в очень красивой рамке. Она сказала, что это лучший подарок для нее, и я почувствовала себя уверенней. Все-таки мы неожиданно попали в общество, где нам все было ново, и о котором мы знали лишь поверхностно из фильмов или книг.

Дальше мои переживания окончательно развеялись. Через пару дней Марк сам подошел ко мне и попросился к ним в гости, чтобы поиграть, а потом он перестал грустить по утрам и начал рваться в школу. Егор и Тимур не давали его в обиду, и однажды нас с Полиной даже вызвали к директору из-за "массовой драки" с другими мальчишками из соседней школы. На футбольном матче. Как потом выяснилось, они прицепились к Марку, а Егор и Тимур заступились. Очень лихо заступились, да так, что Марка стали обходить стороной с издевками и наконец-то приняли в компанию. Ну...так и началась наша дружба. С моих благодарностей и извинений Полины за то, что ее бандиты втянули Марка в неприятную историю.

А теперь...буквально на этой улице, по которой раньше мальчишки бегали с Димой и Яном, я бреду одна без Димы и с молчаливым Марком.

Полина сказала, что мы можем прийти. Она в последнее время сильно изменилась, если честно. Не знаю, с чем это связано, но она закрылась, и даже со мной не готова поделиться. Ее стали волновать странные вещи, которые раньше заботили, конечно, из-за статуса ее супруга, но не так сильно. Сейчас же она почти маниакальна в своем желании подчеркнуть свою светскую принадлежность, и мне это не сильно нравится, но...больше подруг у меня нет. Я уже давно ни с кем не общаюсь почти: работа-дом-семья. С возрастом все закапываются в свои проблемы и свои жизни, так что мало у кого получается сохранять былые связи. А Полина...да, она стала странной в последнее время, но...я знаю, точнее, очень надеюсь, что она проявит участие.

Что она вернется хотя бы на этот миг, потому что иначе я сдохну.

Пока не решила...может быть, и вовсе не говорить? Нет, блин, придется, Лар. Они приглашены на ваш праздник...

Праздник, господи...

Ухмыляюсь горько, а потом мотаю головой.

Годовщина. Пятнадцать лет.

Гребаных пятнадцать лет, которые разрушились всего за одно гребаное мгновение.

Чувствую себя такой неудачницей...

Это ощущение горчит еще больше, когда я занимаю место за столом Титовых. Я попросила Марка подняться к парням, и мы остались с их родителями. От меня не скрывается взгляд, который Ян бросает на свою супругу, и делается так больно...Это взгляд мужчины, который любит свою жену так сильно, что даже на мгновение не сможет представить рядом с собой другую женщину. Этот взгляд узнает только женщина, чей супруг не только смог представить, но и исполнил "другую женщину"...

Вздыхаю про себя: повезло ей все-таки с мужем...и мне раньше казалось, что повезло. Оказалось, "казалось".

Никто на меня не давит.

Все молчат.

От Яна я этого, конечно, и ожидала. Он вообще трепаться небольшой любитель. Кто-то назвал бы его сухарем, но я думаю, что это дает о себе знать особый склад характера, а еще военная выправка. Его отец — бывший военный, как и мой в каком-то смысле. Я тоже не люблю болтать языком, и пусть у меня не так сильно это выражено — все-таки девочка.

Вздыхаю. А потом бросаю взгляд на Полину. Я хочу кому-то рассказать, но расскажу только Полине, а не светской львице.

Она передо мной и сидит.

Взгляд взволнованный, можно даже сказать, напуганный. А еще до безумия участливый...Поля — хорошая подруга, да и человек тоже. Она светлая и добрая. И когда я вижу ее, а не светскую львицу, уже не могу сдерживаться.

- Дима мне изменил... - шепчу тихо, и она тут же дергается, как если бы ее ударили плетью.

Тишина в кухне начинает давить. Она долго смотрит на меня, а Ян встает и подходит к бару. У него есть коллекционная бутылка виски, которую ему подарил на день рождения какой-то магнат. Очень дорогая! Но он не жалеет ее, открывает и наливает стакан, а потом возвращается и ставит передо мной.

- Он очень мягкий.

Я киваю и беру, но руки трясутся...черт, как же они трясутся...

- Лар, ты уверена? - шепчет Поля, подавшись вперед и сжав мою холодную ладошку.

Мне это нужно, и я благодарна за поддержку, поэтому не стараюсь строить из себя сильную. Позволяю ей это, даже слабо отвечаю, а потмо вздыхаю очень горько и киваю.

- Я за ним следила, а потом застукала...прямо на столе с помощницей...Какое клише...

Меня прорывает.

Просто какое-то наваждение, но больше сдерживаться сил у меня нет...

Я не могу успокоиться, рыдаю белугой, как полоумная.

У меня просто нет сил, чтобы выдержать...нет сил...

Лара; сейчас

*adrift - jesse marchant**

У меня даже сейчас на глазах выступают слезы, если честно. Два года прошло, а рана не стала меньше. Она все еще ноет периодически, и я совсем никому не доверяю. За два года

пару мужчин пыталась завязать со мной какие-то отношения, но я шугаюсь от них, как от прокаженных.

Потому что им нельзя верить.

Потому что они все изменяют.

Потому что все мужчины — предатели.

И потому что они не Дима в хорошем смысле, а в плохом точные его копии.

Мне кажется, что я так и умру в одиночестве...и это страшно. Мне дико страшно думать так, но я...черт, не знаю, как отвязаться от прошлого, которое на меня давит и рвет.

Я не знаю, как сделать так, чтобы меня отпустило это жестокое предательство...

Он даже не пришел тогда...

Я помню, как меня дергало, да и дергает до сих пор периодами от этой мысли. Он. Сука. Даже. Не. Пришел. И нет! Я не хотела его видеть! Но...

Женщины такие. Протестные натуры, так сказать. Мы говорим одно, но даже если так происходит, не факт, что останемся довольны.

Я не осталась.

Мне было больно, а обидней оттого, что он даже не пришел...

Так было. Да. Было. Но по итогу, я благодарна, что он не появился. У меня было время вернуть себе контроль, а не рыдать в три ручья в его присутствии.

Это было бы унижительно, а мне хватило, спасибо.

Когда Дима все-таки появился, такой треш начался...страшно вспомнить, но я буду вспоминать.

Туда, куда я еду — нужно вспоминать. Это не просто курорт, это работа с психологом, который должен тебе помочь по итогу. По крайней мере, кому-то точно помогают...а для меня это словно последний шанс!

Нет, мне помогут. Вита сказала, что там работают не шарлатаны какие-то. Все серьезно. Очередь на много месяцев вперед, притом лечат они в основном очень состоятельных людей. Ну да. Я заходила к ним на сайт и охренела от цен. Брать такой дорогой подарок было как-то неловко, но Витка успокоила меня, что путевку эту ей дали фактически бесплатно. Пару лет назад она создала образ и отрекламировала один очень крутой проект в Майами, и после этого с ней связались владельцы курорта. Они хотели, чтобы она сделала то же самое для них, но тогда Вита отказалась. Почему? Я не знаю. Она рассказала об этом слишком быстро и вскользь, но суть в том, что когда у Полины случалась ее трагедия, Вита снова связалась с владельцами, и они согласились принять вместо нее сестру. Условие было одно: ты делаешь фотографии, все записываешь и запоминаешь, а еще каждый день ведешь дневник. Лучше в аудиофайле, чтобы передать впечатления четче. Вита потом по ним составит план и начнет работать. Тоже стыдно немного, ведь я себе не представляю, сколько у меня будет материала, когда я вернусь! Я же педантична, помните? И собираюсь отнестись к делу с полной отдачей, раз уж мне выпал такой шанс...

А это серьезный шанс. Попасть в такое место я вряд ли смогу еще когда-нибудь. И я, наверно, гадина, раз немного радуюсь, что Полина отказалась. Она беременна, ей такой долгий перелет противопоказан, да и я думаю, что она просто не хотела уезжать далеко от Яна. Никому не верится, что он мог так поступить с ней, и для того, чтобы это понять, надо просто увидеть их вдвоем.

Я помню тот вечер на кухне очень ярко, и особенно помню, как впервые в жизни позавидовала своим друзьям, потому что знала, что Ян так никогда не поступит. Он не такой мужчина и так смотрел на Полю...как Дима на меня не смотрел уже давно.

Влюбленный мужчина.

Когда его видишь, сразу это понимаешь. Тут бессмысленно даже пытаться: влюбленный мужчина никогда не предаст свою женщину, как мой предал меня...

Опускаю глаза на свои руки и тихо усмехаюсь.

Надеюсь, что это какая-то ошибка или план. Я очень надеюсь, что это окажется бредом, иначе... черт, тогда я окончательно потеряю веру в любовь, от которой почти ничего и не осталось.

Вздыхаю и потираю глаза, а потом откидываюсь на свое мягкое сидение. Все, за что я заплатила — это перелет, и я взяла первый класс, поэтому для меня все проходит спокойно. Я почти лежу в отдельном, можно сказать, купе. На маленьком экране бегают какие-то люди. На выбор из кино было многое, но в основном сопливые мелодрамы, а я их на дух не переношу теперь, поэтому смотрю про зомби.

Так лучше.

Так безопасней.

Но надоело. Я так хочу... снова быть той Ларой, которую не разбивали грязной изменой и всем тем адским варевом, которое началось потом. И я даже не знаю, что хуже... видеть, как твой любимый мужчина трахает другую, слушать его фальшивые признания в любви, или смотреть, как он встретится со своей малолетней блудью на твоей лужайке.

Я не знаю.

Да все, наверно, одинаково. Если честно — все одно, и вместе это большое, жирное пепе-лице, которое сжигает твою душу дотла.

А я хочу ее восстановить! Я хочу, чтобы во мне снова расцвел...возможно, не цветочек, но хотя бы появился маленький росточек. Я хочу отпустить и забыть...я хочу начать жизнь заново...

Отгибаю шторку над своим иллюминатором и слегка улыбаюсь. Сейчас закат, и это самый прекрасный закат за последние два года, который я вижу. Пушистые облака похожи на взбитые сливки розового, красного и фиолетового цветов. Очень красиво...а главное, спокойно. А еще главней — тебе хочется верить, что все еще может быть у тебя хорошо. И твой заброшенный сад зацветет, и ты сможешь дышать полной грудью, когда освободишься.

Я хочу освободиться.

А как там говорят? Если мы чего-то действительно хотим — мы это получаем...

Пожалуйста, Вселенная. Пусть меня отпустит, ладно?...

**(к сожалению, у этой песни нет нормального перевода, поэтому я не буду вставлять строчки, но если кому-то интересно, обязательно послушайте и почитайте, чтобы понять лучше))) Если что, я оставляю песню на своей стене в вк)))*

От автора: Дорогие, со следующей главы открывается подписка! Это означает одно: розыгрыши))) Следите за обновлением блога, где я попозже выставлю условия))) Всем огромное спасибо за комментарии и поддержку! Я все-все читаю и переживаю вместе с вами! ♥#♥#♥#

«Гонолулу»

Where the streets have no name — U2

Лара

Наш самолет приземляется настолько мягко, насколько я никогда в своей жизни нигде не садилась. Шасси буквально целуют асфальт посадочной полосы, а я с жадностью вглядываюсь в то, что меня окружает.

Я никогда не была на Гавайях.

Если честно, я никогда и не думала, что жизнь меня сюда забросит. Но вот я здесь, и это кажется каким-то сном...

Выхожу в полубред

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.